

Он поднялся, отряхивая колени. Теперь предстояло перенести картины наверх. Всего двадцать четыре полотна, среди которых попадались крупные работы, явно превышающие 120-й размер. Завтра они должны быть выставлены в залах и доступны для продажи. Решили носить их вдвоём, за исключением совсем маленьких, чтобы ненароком не повредить.

— Ты, я погляжу, тоже довольно щуплый, не только я... А эти штуковины тяжеленные. Смотри не урони, будь начеку. Умоляю. Если уронишь, наш босс тебе, господин Е Хён, жизни не даст.

Мы встали с двух сторон от холста, чтобы поднять первую картину. Господин Джу Хан, словно представляя нагоняй от человека, которого он назвал боссом, аж передёрнул плечами, пока давал мне последние наставления.

Господин Джу Хан пошёл вверх по лестнице первым, я осторожно следовал за ним. Поскольку выставочный зал находился на втором этаже, путь из подвала был неблизким. На площадке между первым и вторым этажами Джу Хан подал знак сделать передышку.

— Ты... спортом занимаешься? С виду не скажешь, а... с-силёнок хватает.

— Я подрабатываю в компании по переездам.

Он снова смерил меня взглядом. Будто пытался разглядеть следы тяжёлого физического труда.

Внешне мы почти не отличались телосложением, но в последнее время я таскал тяжести вверх-вниз по лестницам почти каждый день. Неудивительно, что я набил на этом руку.

— Если Вам тяжело, может, в следующий раз я пойду первым? Вам труднее, приходится идти спиной вперёд.

— Нет. Не тяжело. Просто я сегодня уже перетаскал штук тридцать... Обычно я не... такой дохлый. Пошли дальше.

Господин Джу Хан, всё ещё сбиваясь с дыхания, снова поднял картину своими длинными тонкими руками, на которых неестественно остро выпирали суставы.

И как только мы добрались до второго этажа и аккуратно поставили картину, он тут же распластался на полу.

— А-а-а, не могу больше! Я сегодня в одиночку перетаскал тридцать штук! У меня ноги трясутся!

Хоть он и вопил, колотя по полу, девушка с каре даже не взглянула в его сторону и принялась резво распаковывать картину, которую мы только что принесли.

Это была картина в гиперреалистичном стиле, изображающая стопку старых книг. Судя по текстуре корешков, одной краской тут дело не ограничилось.

— Вон туда. Видишь бумажку с цифрой 1? Нужно повесить на ту стену. Давай вместе.

Она не отличалась мощным телосложением, но, казалось, досконально знала, как здесь всё устроено. Вряд ли она ошиблась бы, оценивая, сможет ли поднять холст такого размера.

Как и ожидалось, поднять картину высотой с меня вдвоём не составило труда. Как говорил бригадир, в таких делах до определённого момента важна сноровка, а не грубая сила.

— Пэк Юми... ну и силища, как у монстра... Когда ты успела развесить всю секцию В в одиночку? Я же говорил оставить.

Господин Джу Хан, который только что заявлял, что больше не может, похоже, немного подзарядился: он вскочил, схватил со стола спортивный напиток и скрутил крышку. Я не особо хотел пить, но он протянул бутылку и мне, так что я сделал пару глотков.

— Кстати, вы с господином Е Хёном познакомились? Нет ведь? Ты опять была грубой и с порога начала командовать: сделай то, сделай это, да?

— А что не так? Мы встретились, чтобы работать, я и предложила работать.

Девушка, раскладывая на столе подписи с информацией о названии работ, материалах и годе создания в своём порядке, хоть и ответила так, но на секунду замерла и оглянулась на меня. Не знаю, показалось ли мне, но её лицо выражало лёгкое сожаление.

— Я Пэк Юми.

— Я Со Е Хён.

Наблюдая за нашим пресным знакомством, похожим на примеры предложений из первых уроков английского, господин Джу Хан захихикал, трясаясь от смеха на другом конце комнаты.

— Забавно смотреть на двух таких скромняг. Зовите друг друга госпожа Юми и господин Е Хён. Мы решили, что я тоже буду так делать.

То, что он счёл меня застенчивым, совсем не удивило. Любому видно, что я не особо общителен. Это я и сам про себя знал. А вот характеристика, которую господин Джу Хан дал ей, была неожиданной.

Могла ли она, чья внешность напоминала готический шрифт, выведенный твёрдыми, чёткими штрихами, тоже иногда чувствовать себя белой вороной в компании, как я? Трудно было такое представить.

— Заткнись. Я могу превратиться в богиню общения, если только захочу.

— Это верно. Только не просто в богиню, а в робота. Ты абсолютно бездушна, когда что-то продаёшь.

Госпожа Юми смотрела вниз на подписи к картинам, и они были увлечены разговором, поэтому не заметили, но я, стоявший лицом к лестнице, не мог пропустить появление нового человека.

Сначала показались мягкие волосы, словно парящие в воздухе, затем открылось лицо с чёткими и глубокими чертами, и, наконец, в лобби второго этажа быстрым шагом вошёл мужчина в стильном костюме. Он был очень... очень крупным и эффектным.

— А какой смысл вкладывать душу в продажи? Душу должны вкладывать художники в свои работы.

Едко заметила госпожа Юми, укладывая последнюю табличку на место. Крупный мужчина тем временем уже подошёл вплотную к рабочему столу, где мы собрались.

— Истинная правда.

С улыбкой вмешался он в разговор.

— Господин директор!

Лицо и голос госпожи Юми, окликнувшей его, выражали неподдельную радость.

А, так это, должно быть, тот самый владелец галереи, о котором говорил господин Джу Хан. Тот, кто напугал его байками о призраке в подвальном хранилище.

Он был очень высоким. С отличным телосложением, но стройный, поэтому, несмотря на внушительный рост и широкие плечи, совсем не выглядел громоздким. Его экзотическое лицо, из-за которого на первый взгляд я принял его за иностранца, вблизи всё же выдавало лёгкие восточные черты.

— Ну серьезно, почему Вы так поздно?

— Сама знаешь этих двоих. Они не отпускали меня, прикрываясь бронью как предлогом.

Это был очень крупный, очень красивый мужчина. Он обладал ослепительной и особенной аурой благодаря своей экзотической внешности — было бы странно, если бы он не оказался смешанных кровей. Казалось, это выделяло его из окружающей обстановки. В голову пришла мысль: вот так выглядит человек, который существует не для того, чтобы смотреть на других, а чтобы самому быть объектом людских взглядов...

Впервые в жизни у меня возникла такая мысль.

Может ли такой человек быть золотым альфой?

— Так Вы получили бронь?

Госпожа Юми выглядела так, словно готова была тут же схватить мужчину за грудки, если он ответит отрицательно.

— Три штуки. Вот список брони, так что, пожалуйста, прикрепите таблички «продано».

Госпожа Юми, приняв список из рук мужчины, возликовала так, словно выручка от продажи этих работ пойдёт прямым ходом ей в карман, и вложила полученную записку в блокнот, который, казалось, стал вдвое толще от всевозможных чеков и бумаг.

— Мы вдвоём думали, что точно помрём здесь. Мы даже ещё не перенесли все картины из секции С. А художник Юн закатил истерику, потому что ему не нравится порядок в буклете.

— Знаю, знаю, слышал. Вам досталось. Директор Хан займётся художником Юном, так что давайте заканчивать. Хм... управимся за три часа.

Мужчина, поднявший запястье, чтобы проверить время, внезапно перевёл взгляд на меня. Этот взгляд словно говорил: все важные дела обсудили, теперь пора выяснить, кто этот посторонний, торчащий здесь с самого начала.

Я, до этого украдкой бросавший взгляды на него, как на диковинный новый вид, тут же опустил глаза куда-то в район его воротника.

— Директор привёл его недавно. Попросил помочь только на сегодня. Господин Е Хён, это наш босс.

Хоть я и не смотрел ему в лицо, выносить его взгляд было тяжело. Взгляд, которому было совершенно безразлично, что я чувствую под его прицелом. Взгляд, который лениво изучал меня под любым углом и столько, сколько хотел, сковывал всё тело, заставляя задышаться.

— Здравствуйте. Я Со Е Хён.

Я выдавил из себя голос, который отказывался повиноваться из-за робости, и поздоровался.

Я не был общительным человеком и в новых отношениях чувствовал себя неловко, но это отличалось от страха. Однако сейчас я буквально сжимался в комок.

Допуская, что этот мужчина — альфа, я не мог понять: эта странная скованность вызвана феромонами альфы, с которыми я никогда раньше не сталкивался, или же его подавляющим человеческим присутствием, основанным на жизненном опыте и уверенности.

Но, насколько мне известно, бета не может ощущать феромоны альфы или омеги.

Останься я в той рыбацкой деревушке, мне бы и в голову не пришло сразу заподозрить в человеке с такой выдающейся внешностью и пугающей аурой альфу. Но здесь это было вполне возможно.

Мне отчаянно захотелось выпить спортивный напиток, который дал господин Джу Хан. Но хотя я и держал бутылку в руке, открыть её и отпить я не мог.

— Откуда Вы знаете директора Хана?

Вопрос был брошен в конце долгого, давящего взгляда.

Голос звучал совершенно иначе — безразлично и жёстко, не так, как он разговаривал с господином Джу Ханом или госпожой Юми. Я даже уловил нотки враждебности, которую он и не пытался скрыть.

— Я работаю помощником по хозяйству в доме директора.

Губы мужчины, едва уловимые краем глаза, дрогнули. Казалось, его не обрадовало то, что я сказал. Но, к счастью, вопросы на этом закончились.

Мужчина отвел от меня взгляд, снял пиджак и повесил его на стул перед временным рабочим столом. Закатывая рукава рубашки, он выслушал краткий отчет госпожи Юми о ходе работ. Наши роли поменялись: теперь переноской картин занимались он и господин Джу Хан, а я должен был помогать госпоже Юми на втором этаже.

Как только мужчина вместе с господином Джу Ханом скрылся на лестнице, напряжение в воздухе спало, и дышать стало легче, словно вернулся кислород. Я почувствовал, как опустились плечи, и понял, что до этого момента даже мои мышцы были напряжены.

Осушив залпом половину бутылки, я увидел, как госпожа Юми протягивает мне рулон толстого двустороннего скотча.

— Ну что, попробуем, два скромняги?

Работа пошла гладко. Мы развесили все подписи к картинам в секции В, а работы для секции С вешали сразу же, как их приносили из подвала. Когда таким образом мы закончили с секцией D, на полу выставочного зала валялась куча мусора. Пока остальные занимались другими приготовлениями к завтрашнему приему гостей, я взял на себя уборку.

К тому времени, как первый и второй этажи приобрели презентабельный вид, вернулся учитель с ночным перекусом. Учтя, что скоро должен был взойти солнце, это больше походило на ранний завтрак, чем на ужин.

Мы все собрались в офисе на первом этаже, вокруг большого стола с сэндвичами и кофе. Все галдели, выбирая, кому какой сэндвич достанется.

Хотя учитель, мой единственный знакомый в этой галерее, был с нами, я не чувствовал себя свободнее, чем раньше. Наверное, из-за того мужчины, чье присутствие ощущалось в несколько раз сильнее, чем у других, и который своими словами и действиями словно вычеркивал меня из этого пространства.

Такие люди действительно существуют. Просто не глядя на кого-то, не разговаривая с ним, этот мужчина заставлял меня... чувствовать себя так, словно я заперт за стеклянной стеной, в полной изоляции.

Это отличалось от простого невнимания. Он постоянно транслировал мне сухую, неуютную дистанцию.

— Директор, господин Е Хён отлично работает. По сравнению с тем, каким был Квон Джу Хан в начале, я бы поверила, если бы Вы сказали, что у него есть опыт.

Похвала от госпожи Юми, которая, казалось, никогда не говорила того, чего не думала, стала хоть каким-то утешением.

— Пэк Юми, а у тебя что, не было стадии головастика?

— Нет, я сразу была лягушкой. Верно, господин директор?

— Хм, у Юми никогда не было стадии головастика. Поэтому я её и переманил.

Мужчина кивнул, жуя сэндвич с авокадо. Он был добрым боссом для своих сотрудников.

После почти пяти часов работы вид мужчины был гораздо более небрежным, чем при его появлении в холле второго этажа. Его волосы, казавшиеся необычайно мягкими, уже не лежали так идеально, как вначале, и то и дело падали на лоб. Рубашка и брюки помялись, а на веках и щеках залегла явная усталость.

И все же он не выглядел жалко. Просто немного уставшим. А ещё — немного чувствительным и немного свирепым.

— Спасибо, Е Хён. Если бы не ты, мы бы, наверное, не спали всю ночь, умывались бы в ближайшем отеле и сразу пошли на открытие. И что бы я делал без тебя во всех смыслах.

Сидевший рядом учитель прислонился виском к моему плечу и притворно захныкал. Не знаю, может, мне показалось, но взгляд мужчины напротив был пронзительным.

— Устал, да? Хочешь взять сэндвич с собой и поесть дома?

Возможно, из-за нервного напряжения спать мне не хотелось, хотя время отхода ко сну давно прошло. Но физическую усталость никто не отменял. Я был слишком измотан, чтобы отказываться от предложения учителя.

Я уже собирался попрощаться, убрав сэндвич в сумку, как вдруг госпожа Юми, сидевшая во главе стола за углом от меня, резко вскочила с места.

— Господин Е Хён! Не могли бы Вы прийти ещё раз на завтрашнее мероприятие?

Переводчик и редактор: Mart Propaganda.

<http://bllate.org/book/14776/1317954>